

Я всё правильно рассчитала. Кровать стояла напротив, посередине, изголовьем к дальней стенке. С этой стороны был большой телевизор, который ночью, если включен, прекрасно освещал всё, что творилось на кровати, и при этом никак не позволял обнаружить, что я здесь за перегородкой подглядываю через широкую щель. Да, долго-долго, годы мне не удавалось воспользоваться всем этим по желанному назначению. И я просто изводила себя за этой стенкой, воображая самые невероятные сцены. Родители редко пользовались этой спальней. Они жили внизу. А когда пользовались, то абсолютно ничего мне не демонстрировали.

Приезжая на дачу, что по одиночке, что вдвоём, они просто полуодетые ложились под одеяло, включали какую-нибудь мыльную оперу, и быстро засыпали, оставляя экран мерцать вхолостую и освещать мне два храпящих холмика. И вот оно, наконец, свершилось. Родители наняли рабочих перекрыть старую крышу. Те работали ежедневно, не считаясь с выходными. Отец и два сына. Они приезжали на машине утром из соседнего городка, а на ночь уезжали домой. В этот день младший почему-то должен был остаться ночевать у нас. Без понятия, почему! То ли тем надо было куда-то на выходные в другое место, то ли что-то требовалось отвезти, и в машине элементарно не хватило места, .. В общем, родители его приютили, накормили, напоили, воды в баньке погрели и отправили спать на второй этаж в гостевую комнату, показав, как включать телевизор и пользоваться пультом. Я за стенкой замерла в предвкушении. Неужели сбудутся мои многолетние фантазии?! Не могу удержаться, чтобы не сообщить заранее, что надежды мои оказались оправданы сполна. Даже больше, чем я представляла себе в самых запретных снах. Как только за стенкой раздались бодрые звуки телевизора, я отогнула в сторону плакат, прикрывающий мою смотровую щель, подождала, пока погаснет верхний свет и прильнула к обзору. Парень сидел на краю разобранной постели, щёлкал пультом по каналам и медленно лениво раздевался. Стянул папину футболку, что дала мама, когда провожала его в душ. Спустил, привстал, свои длинные шорты, под которыми трусов не оказалось. Видимо, грязные он снял в душе, а чистых ему никто не дал. Но разглядеть мне практически ничего не удалось — не успела. Он только на мгновение привстал, когда спускал штаны, свекнув невероятной белизной на фоне очень сильно загорелого остального тела. Тело было мускулистым — крепкая грудь, рельефный живот, сильные руки. Вдруг по доносящимся звукам я поняла, что он долистал до «ночных» каналов — там в конце есть и такие, думаю, родители даже не догадывались. Парень испуганно стал озираться и лихорадочно пытаться уменьшить громкость — уж слишком откровенные звуки раздаются с этих «немецких» каналов. Всё погрузилось в кромешную тьму — это он со страху выключил телевизор. Когда вернулся свет — телевизор опять включился, — парень стоял перед экраном. Я никогда не видела голого взрослого мужчину. Тем более так близко. Буквально в метре от моего носа висел настоящий мужской половой член. Я могла во всех подробностях разглядеть небольшой, как толстый пальчик, отросток с утолщением на конце и гузкой сморщенной кожи, тяжело свешивающиеся розовые яички в покрытой шёрсткой мошонке. Если бы не волосы, он был сильно похож на то, что я видела у брата, когда тот был поменьше. Только у того мошонка была похожа на один мячик, а у этого на авоську с двумя мячиками. Меня это даже удивило и слегка разочаровало — столько разговоров, а, оказывается, это обычный писсон. Я себе представляла... не знаю, что уж, .. но

не так просто. Хотя... Выглядел он симпатично, такой нежный! Говорят, что они вкусные, если взять в рот. Парень убрал звук до минимума, пролистал каналы в конец и, усевшись обратно на край постели, с интересом стал рассматривать порнушку. По-видимому, сегодня там было два таких канала. Мне было не видно, что там конкретно показывают, но он, кажется, пощёлкал туда-сюда между ними и остановился на каком-то одном. Сначала он сидел, подавшись корпусом вперёд к телевизору, плотно сжав колени и держа перед собой руки с пультом. Но постепенно стал расслабляться, разводить ноги, откидываться всё сильнее назад, опираясь рукой о постель. А вторую руку он уже давно запустил себе между ног. Потом парень притащил от дальней стенки от изголовья подушки сюда на край себе под спину, развалился на них, задрал ноги на постель и раскинул в стороны колени, выставив мне на показ всё своё хозяйство. Сам он неотрывно смотрел в телевизор, глаза его блестели. Я сидела фактически напротив, всего в паре метров от него. Он медленно щупал свои половые органы, перебирал пальцами мошонку, тёр зачем-то под ней промежность, сгребал и сжимал в ладони мягкий пальчик. Хотя теперь это уже больше походило на пухлую сардельку. Кожа у него там была ярко белая, яички розовенькие. Сам член немного потемнее. На лобке вились каштановые волосы. Не отрывая горящего взгляда от телевизора и приоткрыв рот, он взял свою колбаску щепоткой из двух пальцев и начал стягивать с неё подвижную кожицу. Наружу выглянула розовая блестящая ягодка. Да нет, ягода! Крупновато для ягодки. Не меньше сливы. Он водил пальцами взад-вперёд, сливка то выглядывала, то пряталась. И всё больше и больше становилась реально похожей на сливу. Во-первых — размером, во вторых — цветом. И весь его половой член уже из нежной аппетитной колбаски превратился в здоровенную толстую кряжистую палку. Парень уже не держал свой орган щепоткой из пальцев. Он обхватил крепкий ствол всей ладонью и остервенелло водил ею, как по насосу, как буд-то доил себя, только безуспешно. Из розовый дырочки на краю раздутой глянцевой сливы сочилась какая-то влага, но это были жалкие капли. Он даже встал прямо перед телевизором. Сжал вместе колени, сунул одну руку куда-то под живот и, учащённо дыша и ссугулившись, надраивал второй рукой свой блестящий орган прямо перед моими глазами. Я расслышала, как томные охи-вздохи из телевизора слились в единый стон-вой-рык, и тут мой парень тоже застонал, зарычал и стал извергать мощные белёсые струи из своего брандсбайта. Рука его остановилась, сжимая ствол у основания. Орган жил самостоятельной жизнью, он вздрогивал, напрягался, извергал густую жидкость, замирал, потом вздрогивал, и всё повторялось. Но вот струи ослабли. Тут мой парень вернулся к своим движениям и теперь действительно, подставляя ладонь, стал выдаивать молочко из своей большой соски. Всё меньше и меньше. Наконец он сел и на какое-то время отвлёкся от телевизора. Обтёрся выданным ему полотенцем, протёр что-то там с пола своими штанами, и, по-моему, даже со стены. Когда он вставал, половой орган его опять свисал, как сарделька, розовый и припухший. Я разжала свои бёдра и достала пальчики из киски. Они были влажные и пахучие. Мне хотелось надрочить себя до оргазма немедленно. Но я боялась упустить любую деталь в комнате за стенкой. «Вот сейчас он ляжет, » — думала я, — «выключит телевизор, и тогда я спокойно пойду в постель наслаждаться своей кнопочкой.» Но парень за стенкой не торопился ложиться и выключать. Он опять развалился передо мной на постели, переключил канал, сгрёб своё хозяйство в ладонь и уставился в экран. Телевизор светил ровно, ярко, как фонарь, не мерцая сменой кадров. Что уж он там показывал, не знаю, но парень смотрел в него, не отрываясь, во все глаза. Одну рукой он сжимал свои яички и ласкал там под ними

пальцами вплоть до задней дырочки. Другой медленно то стягивал с полового органа кожицу аж до самого основания, обхватив её кольцом из большого и указательного пальца, то собирая её обратно к концу, заставляя головку набухать и синеть. Член опять рос на глазах. Головка снова стала похожа на крупную сливу, ствол окреп, надулся венами и вытянулся так, что на нём уже могли поместиться две ладони парня. Когда тот стягивал с него кожу вниз, он напрягался, как палка, головка заворачивалась от того, что её за кончик тянула какая-то узелка. Когда ладонь поднималась вверх, головка раздувалась, и из неё как будто выдавалась капелька прозрачной жидкости, блестя из маленького ротика на кончике. Иногда парень смачивал палец этой жидкостью и водил им вокруг тех маленьких губок. Порой он прикрывал глаза, откидывал голову и протяжно вздыхал. Вдруг свет неприятно заморгал, послышался противный однотонный звук. Видимо, кончилась программа. Парень, сжимая торчащий орган в одной руке, другой потянулся к пульте и стал переключать каналы в поисках других соблазнов. Поиски затянулись. Видимо, порно программы закончились. Член у него в руке становился всё меньше и меньше. Вдруг он встал, повернулся ко мне сверкающей в мерцающем свете белой попкой, отбросил подушки назад и, последний раз мелькнув зажатой в кулаке розовой головкой, выключил телевизор. Всё погрузилось в кромешную тьму. Какое-то время за стенкой слышалась возня, потом наступила тишина, нарушаемая только учащённым дыханием соседа. Стало понятно, что ждать, увы, больше нечего. Я отошла от стены и забралась в кровать. Между бёдер у меня всё было липко от соков из истекающей киски. Наблюдая за спектаклем за стенкой я перевозбудилась до предела и сгорала от похотливого вожделения. Я встала, зажгла лампу, достала из потайного места в тумбочке затрёпанный «Роман Виолетты» Дюма и открыла на привычной странице: «— А теперь ты пальцем... Какая ты юная, недозревшая, я едва прощупываю любовный бутончик, сие упоительное творение природы. Ах, наконец, вот он! Твои прикосновения так легки, нежны. Палец так трепещет. — Может, тебе хочется побыстрее или посильнее? — Нет, нет, вот так хорошо. А ты что же, где должны быть руки?..» Удерживая книгу на открытой странице, я легла на подошку, широко расставила ноги и залезла рукой под задравшуюся ночнушку, погружая пальчики в мокрую щёлку между набухшими горячими губами. Нет, сегодня мне хотелось там, где мужчина. Лаская мокрыми пальчиками истомившуюся в возбуждении горошину, я неловко переворачивала страницы другой рукой. Вот! «... Я прильнул губами к намеченной цели и без труда обнаружил искомый предмет; нащупать сей очаровательный предмет, было, тем более легко оттого, что, как я и предвидел, у графини он был формы более удлиненной, чем у заурядных женщин: его можно сравнить с бутоном девичьей груди, затвердевшим от сосания языком; я завладел им и стал нежно перекатывать между своих губ. Графиня стонала от наслаждения...» Так-так-так, нет, дальше! «Я продолжал, постоянно притягивая в себе наблюдающую со стороны Виолетту. В отношении меня Виолетта держалась уже не как неловкая любовница графини, а как полноправная соучастница наслаждения: предвосхищая изысканные причуды сладострастия, она впилась ртом прямо туда, куда я, довольствуясь, направил её руку, и доставила мне несказанное удовольствие тем, что, несмотря на различное устройство женских и мужских органов, ласкала меня таким же манером, как я графикю.» Ну, ну!.. И всё?! Как я раньше не замечала, что тут ничего нет про мужчину? Все подробности только про женские страсти. Я отбросила книгу, прикрыла глаза и сосредоточилась на ощущениях у себя между ног от ласк влажными пальчиками. Я пыталась вспоминать и мысленно представлять недавно подсмотренные сценки с напрягающимся

мужским органом, вздутой сизой головкой, маленьkim улыбающимся слюнявым ротиком на ней. Как он вздрагивал, натужно изрыгая тугие струи, как нехотя доился, скокоживаясь и поникая в липкой от спермы ладони. Я погружала средний пальчик во влажное лоно, потом размазывала им горячие соки по трепещущим губкам, задирала вверх с напрягшейся головки двумя другими пальцами капюшончик и нежно дразнила её скользким пальчиком. А сама представляла, как сжимаю напрягшийся мужской член, как пробую на вкус глянцевую сливу его головки, как он выстреливает тугие струи, запачкивая мои волосики на лобке. Потом, сжимая в одной ладони грудь и сдавливая сосок пальцами, другой я водила поверх своей киски по лобку, резко трепала капюшон со спрятанным тельцем, давила, расплющивая, половые губы. Быстрее, быстрее! Знакомым сладострастным облегчением стал подкатывать долгожданный оргазм. Тело стало выгибаться и забилось в конвульсиях. Я даже, кажется, закричала. Когда волна прошла, и, отдышавшись, я окрыла глаза, то прямо перед собой увидела в упор жгучий любопытный взгляд. Я забыла вернуть назад плакатик и загородить смотровую щель! От неожиданности я так испугалась, что сердце ушло в пятки, а волосики на теле встали дыбом. Я резко свела ноги и попыталась натянуть подол ночнушки. Взгляд исчез. Я поспешила встать и прикрепила плакат на место, загораживая щель. Вернулась в постель и забралась под одеяло. В голове метались какие-то мысли, но я ничего не соображала. Надо было успокоиться и понять, что это было. Я погасила лампу и стала размышлять. С рабочими этими я почти не вижусь потому, что или гуляю по посёлку с девчонками, или сижу в своей комнате, когда дома. Через пару дней они закончат, и я их больше никогда не увижу. Парень этот вряд ли кому станет рассказывать, что видел, как я ласкаю свою голую киску. В общем, надо успокоиться и забыть. Я лежала в темноте, прислушиваясь к звукам за стенкой, и вспоминала ссутулившуюся фигуру, лихорадочно доящую стреляющий струями огромный член с раздувшейся яркой головкой. Я вспомнила, как представляла, что завтра увижу этого парня в обычном виде одетого и буду вспоминать, какой на самом деле у него там между ног огромный красивый орган, которого совершенно не заметно в штанах днём. А теперь? Я с содроганием представила, как вдруг встречусь с ним глазами. Он всё знает! Ох!.. Хоть бы поскорее они закончили! Надо постараться не попадаться ему на глаза пока. От двери раздался какой-то шорох. Сердце бешено заколотилось: - Кто тут?! Я лихорадочно нашупала выключатель и зажгла лампу. У двери стоял голый сосед. Он был весь чёрный от загара, только одно место ярко светилось белым. Голова его была втянута в плечи, колени сжаты, руки прикрывали срам, загнанный взгляд испуганно метался по комнате, прячась от меня. - Я сейчас закричу! — Испуганно зашипела я, натягивая одеяло на нос. - Ты чего? Ты чего? — Громко зашептал он, втягивая голову ещё сильнее. Но не уходил. — Я так... Я просто... Я подумал... - Не подходи! Я отца позову. - Не надо! Погаси! Я только посмотреть... - Что посмотреть, если я погашу? - Ну, нет. Я так... Я видел... Я хотел... Хочешь я тебе так сделаю? Вместо тебя. Ты такая красивая! - Себе делай! Иди отсюда! Он смущённо повернулся боком и потянулся рукой к ручке двери. Под второй рукой за белизной незагорелого бедра стало видно прижатый маленький писюнок и розовые яички. Безумно захотелось потрогать. - А тебе сколько лет? — Спросил он. - Не твоё дело. Восемнадцать. И что? - И мне. Можно я с тобой? - Не подходи! Что со мной? - Ну, просто... С тобой. Побуду. - И что? - Ничего. Ты красивая. Тебя как зовут? - Аня, а что? Ты голый! Как ты сюда попал? - Вошёл. - Понятно, что не пророс. Какого чёрта ты заявился сюда голый? - Ну, я увидел, подумал... Ты красивая! - Что ты заталдычил — красивая, красива! Думаешь, это оправдание? Я нормальная. Иди-иди!

Мне спать надо. — Я потянулась и выключила свет. Воцарилась тишина. Сначала я подумала, что он ушёл. Перед глазами всплыла картинка прикрытого ладошкой гладкого нежного писюна. Я пожалела, что прогнала парня. Больше не увижу. Теперь он знает про щель — не подсмотришь. Но потом мне стало казаться, что у двери по-прежнему кто-то есть. Я опять включила свет. Он стоял там же, скрестив под животом руки, только теперь уже не сжимался, не втягивал голову в плечи, а просто опирался спиной о дверь. - Ты чего стоишь? Я не могу так спать. - Ну, можно к тебе? - Что ко мне? Чего тебе надо? Меня трогать нельзя. - Я не буду, не бойся. - А я и не боюсь. Я говорю — не прикасайся ко мне. - Аня, я посмотреть, поговорить. - Голышом? Посмотри, поговори! На что ты собираешься смотреть? - На тебя. - Смотри! Видно что-нибудь? - Так? Нет. - А как ты ещё собирался смотреть? Иди отсюда! - Ну, Ань... - Что, ну Ань? - Приятно ласкать себе там? Тебе нравится? - Не трогай меня! Не твоё дело. - Да не трогаю я! Можно я хоть зайду, наконец, присяду? - Ну, ты же без трусов! Куда ты присядешь? - К тебе. Поговорим. - Без трусов? - Ань, ну что ты заладила? Ну, без трусов, мне самому стыдно. А ты тоже без трусов. Так заманчиво! - Что тебе заманчиво? То, что я, или то, что ты тут у меня такой? - А тебе не заманчиво? Я же видел, как ты... Тебе приятно? - Прекрати! Я тоже видела, как ты! - В смысле? - Ты что-ли дырку нашёл? Это я её сделала давным давно. И не про тебя. А для себя. И я всё видела. Парень покраснел даже сквозь загар и замолчал потупившись. Потом прошептал чуть слышно: - Тебе интересно было? Понравилось? - Интересно? Смотреть, как здоровый мужик самозабвенно надирает себе елду. Он застеснялся ещё сильнее. - А ты тоже... — Пролепетал он смущённо. Я осеклась. Действительно, нечестно я так на него. - Ну, проходи, садись, поговорим... Парень бочком-бочком, прикрываясь руками, подошёл и сел на край кровати. - Меня Серёга зовут. Мы с батей тут работаем по домам. - Ну, это-то я вижу. - Ань! Ну ты скажи всё же, тебе нравится? - Что нравится? - Ну, .. так ласкать себя, мастурбировать? - Не говори так! Я не... — Гневный запал выдохся. — Допустим. - А когда тебя ласкают, не нравится? — Спросил он, делая ударение на «тебя» . - Кто ласкает? - Ну, кто? Другие. У тебя есть парень? - Не твоё дело. - Да ладно, Ань, я про... это... ну, как тебе нравится, самой, или когда тебя? - А тебе? - Когда меня. - Дааа? И часто тебя... ласкают? - Ну, — он снова засмутился, отворачиваясь, — нет, не часто. В смысле, совсем не часто... Типа, нет совсем. - А откуда же ты тогда знаешь?! Что кто-то тебе сделает лучше, чем ты сам там? - Я всё время мечтаю, представляю. Я, когда так делаю, воображаю, что это не я, что это меня так... гладят. Представляю себе грудки, ножки, попку. - У кого? У тебя есть девушка? - Честно? Нет. В школе они на меня не смотрели, сейчас вообще никогда, мы всё время работаем. Осеню в армию. - Кого же ты себе там представляешь? - Так, никого. Просто всякие фотки. Вот теперь буду тебя представлять. — Он посмотрел прямо в глаза. Я невольно потупилась. Как-то я уже позабыла, что рядом буквально в нескольких сантиметрах у меня в постели сидит абсолютно голый здоровый мужчина. В паузе приятно заныло. Я облизала пересохшие губы. И бросла взгляд туда ему между ног. Отсюда там ничего не было видно. Сергей сидел на краю боком ко мне, сомкнув ноги, и положив туда руки. - А тебе, .. э... тебе понравилось? - Очень! — Он радостно встрепенулся, заглядывая мне в глаза. — Очень-очень! Ты такая красивая! Я видел, тебе было очень приятно. Правда? - Ну, .. правда. - Ты всегда так делаешь? Или... это... или у тебя парень? Я отвернулась, не зная, что сказать. Он положил ладонь на одело, где была моя рука: - Ань, ну правда, тебе как больше нравится, когда ты сама, или когда тебя? - Мне... — Не знаю почему, но я вдруг как-то размякла, не нашла сил ответить ему какую-нибудь резкость. — Я...

не знаю. - В смысле? Не знаешь? Как это, ты не знаешь, что тебе больше нравится? - Не знаю. Я... не пробовала. — Думаю, я была красной, как рак, когда лепетала это. - Не пробовала? У тебя не было парня? — Сергей повернулся в мою сторону, задирая одну ногу на постель и открывая мне вид на своё мужское достоинство. — А хочешь попробовать? - Нет-нет, не трогай меня! Я попыталась отодвинуть от него свою руку под одеялом. - Не бойся, я не буду. — Он убрал ладонь. — Значит, ты не пробовала, не знаешь. Самой себя ласкать тебе приятно. А другого ласкать? Ну, в смысле, у парня... А, ты же не пробовала. — Спохватился он. — Хочешь попробовать? — Он ловил мой взгляд и заглядывал в глаза. Мне было очень неудобно от таких вопросов, я стеснялась и краснела, но не решалась прервать этот разговор так, как на самом деле мне очень хотелось попробовать, потрогать. Пауза затянулась. Сергей отвернулся, как-то мечтательно вздохнул, и заговорил в сторону ровным голосом: - Я думаю, что нет ничего более приятного, чем ласкать другого, в смысле — девушку, и чувствовать, как она тебя ласкает. Намного должно быть приятнее, чем себя. Мне кажется, тебе тоже должно быть приятно, когда тебя будет ласкать нежный мужчина. И может быть, тебе самой будет интересно, приятно потрогать, поласкать его. — Теперь он положил ладонь мне на ногу под одеялом. Я опять инстинктивно отодвинулась. - Прости! Не буду. — Он убрал руки себе между ног. — А хочешь, я тебе просто покажу? Ты же не видела? — Он взял на ладонь мошонку и писюн, пристально заглядывая мне в глаза. Я смотрела на него и неожиданно для себя молча кивнула. Он радостно улыбнулся, опять повернулся ко мне, поднимая одну ногу на постель, и стал перебирать руками свои причиндалы, стараясь продемонстрировать их мне во всех подробностях. Он брал свой писюн щепотками с двух сторон у конца и обнажал нежную головку, отпускал кожицу, и головка пряталась обратно. Он подбрасывал его на ладони, как бы демонстрируя товар. Сгребал в ладони яички и трогал себя под ними. - А ты мне покажешь? - Что? Как?.. - Ну, себя. Как есть. Тогда у меня проснётся, и я тебе покажу, как следует. - Это как следует? В каком смысле? - Ну, какой он бывает, когда возбуждается. - Я видела. Он возбуждается? Или ты возбуждаешься? - И я, и он. Не хочешь? — Он с силой сжал в ладони свой писюн, а когда отпустил, тот оказался совсем жалким и сморщенным. - Хочу. — Выдохнула я, поднимая на него глаза. - Ну, покажешь? — Он опять взял писюн щепоткой и стал задирать кожицу туда-сюда, высовывая сморщенную головку. - Только меня не трогать! — Предупредила я и стала стягивать одеяло с ног. Ноги были вытянуты и сомкнуты. Я дотянула выше колен до края ночных штанов, глядя, не отрываясь, на Серёжину действия. Потом одеяло поползло выше вместе с подолом и задралось почти до самой киски. Я стала замечать, как маленький писюн в руках парня постепенно превращается в пухлую сардельку полового члена. Сергей стянул с головки плоть, демонстрируя, как она разглаживается, надувается и блестит. И тут со мной что-то случилось. Я выпрястала руку, протянула и обхватила пальцами надувшуюся сардельку, пряча в ладони гладенькую головку. Сергей обхватил мою руку сверху, сжал и попытался сделать несколько движений вдоль ствола. Я вырвалась и резко одёрнула свою руку: - Извини! Прости! - Давай-давай, ещё! — Член его в какие-то мгновения превратился в здоровенную кручёную палку с ярким концом. Я отодвинулась, испуганно тряся головой. Он протянул руку и попытался задрать мне одеяло выше. Я отодвинулась снова: - Не лезь! - Не буду, не буду. — Он убрал руку себе под мошонку, и стал медленно сам водить себе другой вдоль ствола, демонстрируя мне, как напрягается и раздувается трепещущая головка. - Сними, пожалуйста, дальше! — Тяжело дыша попросил он. Я практически в упор разглядывала здоровенный половой член в полной мужской красе. В

душе стыд боролся с желанием. Желание победило, и я решительно сбросила одеяло с ног и задрала подол, открывая низ живота. Сергей стал водить рукой всё быстрее и быстрее. - А грудь? Ну, пожалуйста! Я села, стягивая ночнушку через голову, высвобождая свои пухлые грудки с набухшими тёмными сосками. Под попкой стало холодно. Я машинально провела рукой, там было мокро! Из меня уже изрядно натекло. - Да, да, потрогай себя там, — встрепенулся Сергей, — поласкай! Тебе хорошо? - Хорошо! — Я смотрела на его действия со своим орудием, как заворожённая. Я даже придвигнулась поближе, прижалась грудками к его плечу, обхватила рукой за шею, и щупала напряжённые мышцы на мужской груди. Второй рукой я тёрла и массировала свою киску, обмакивая в щёлке пальчик, и дразня им свою любимую горошинку. Я склонилась к мелькающей пурпурной головке уже почти в упор, когда из неё на меня брызнули горячие струи. От неожиданности я отпрянула, но потом, дрожа от накатывающего собственного оргазма, снова склонилась, подставляя губы. Тёплая жидкость залепила мне рот, стекала и капала на грудь. Не дожидаясь, когда Сергей кончит совсем, я склонилась прямо к нему, взяла в рот и пососала пульсирующую головку.

Ощущения были невероятные! Нет, не на вкус, про вкус — ничего особенного. На ощупь, на язык. Она была такая нежная, упругая, живая, приятная! Я сосала бьющийся член и сама корчилась в конвульсиях оргазма. Потом я подняла голову, встретила его счастливый взгляд и жадно прижалась влажными губами к полуоткрытыму рту. Поцелуй, казалось, длился вечно. Оба тела сплеились в объятиях. - Уффф! — Оторвался Сергей, когда совсем закончился воздух. Он погладил меня по лицу, размазывая свою сперму, я погладила его, делая то же самое. - Никогда не пробовал это на вкус, — прошептал он, облизывая мои губы. - Мне нравится, — прошептала я, облизывая его губы. Мы расслабленно повалились на подушки. Я опустила руку и взялась за вялый горячий половой член. Сергей просунул руку мне между ног и сгрёб в ладонь мои половые губы, как раньше он сгребал свою мошонку. Один пальчик он просовывал в щёлку и скользил им там по краю. - Хорошо? — Выдохнул он мне в ухо. — Хочешь, теперь я тебя поласкаю? - Хочу, — прошептала я, поворачивая голову и подставляя ему свои губы. — Только потихоньку, нежно. И... и мне там нельзя, я ещё не... - Как скажешь, Анечка. Ты такая красивая, такая нежная, такая классная! — Он настойчиво просовывал мне ладонь между ног, щупая набухшие половые губы. Бёдра мои сами по себе поползли в стороны, всё шире и шире открывая доступ к заветному цветку. - Тихонечко, тихонечко, — шептала я, сжимая в кулаке упирающийся мне в бедро твердеющий половой орган, — там очень нежно. - Давай, я тебя поцелую! — Горячо зашептал он мне в шею. - Давай! — Зашептала я в ответ, поворачиваясь и подставляя губы. Но он вдруг сполз вниз и залез мне между ног. Я судорожно попыталась их сжать отталкивая его голову: - Ты что? Ты что? Что ты делаешь? Он обнимал меня снизу за бёдра и целовал ляжки, просовывая голову к киске: - Ничего, ничего, я целую. Я нежно, как просила, — приговаривал он, упорно раздвигая мои бёдры. Я чувствовала его горячее дыхание внизу, вот он припал ртом к моим губам там, пососал и облизал губки, и стал щеготать языком пуговку, забираясь под капюшончик. Язык его мелко дрожал, он лизал её и нежно посасывал влажными губами. Я стала улетать от наслаждения, все чувства сконцентрировались там — под кончиком его языка. Я выгибалась спину и толкалась бёдрами навстречу вожделенному удовольствию. Приближалась волна катарсиса. Я лежала навзничь, задрав вверх ноги, раскинув руки, и судорожно сжимала кулаками простыни. Вдруг я почувствовала, как он отпрянул, завозился. Приоткрыв глаза, я, как в тумане, увидела, как он подымается надо мной и пристраивается с торчащим

здоровенным членом в руках прямо к моей киске. - Нельзя! — Заорала я, чуть ли не в голос, подтягивая колени и сжимая бёдра. Сергей испуганно отпрянул, обхватил мои согнутые в коленях ноги, положил на них голову, и влажно блестя телячими глазами, жалобно запричитал: - Хорошо, хорошо, ложись! Я не буду. — Он попытался опять развести мои коленки, преодолевая сопротивление. Опустив руку под попку, он стал гладить мою промежность снизу, с другой стороны. Я постепенно опустила ступни и снова развела ноги. - Я только поласкать... — Он поводил шершавым языком по внутренней поверхности бёдер, пососал половые губы, поласкал низ живота и всё выше и выше добрался до грудок, навалившись на меня сверху. Он горячо облизывал грудки вокруг сосков, посасывал сами соски, иногда защемляя их зубами. Рукой он держался за мою киску, смачивал палец в щёлке и теребил им трепещущий клитор. Я снова стала выгибаться и толкать бёдра ему навстречу. Он всё сильнее и сильнее тёр влажные губки, всё чаще и чаще погружал палец в сочающуюся киску, проникая всё глубже и глубже входа в само влагалище. Я летала в раю, совершенно потеряв всякое восприятие действительности. Вдруг он залез настолько глубоко, что сделал мне больно. - Ты что, дурак?! — Я резко сжалась, судорожно отталкивая его от себя. — Я же сказала, нельзя! Не трогай меня! - Аня, Анечка! Прости! Я нечаянно. Совсем потерял голову. Смотри, как он торчит, желая тебя! — Он встал на колени надо мной и бесстыдно стал тыкать сизой головкой прямо мне в губы. - Иди к чёрту со своим торчуном! — Я толкнула его в грудь, и стала спихивать ногами, упираясь пятками в бёдра. - Аня, Анечка, прости! Ты такая красивая! Я осознала, что видок для него был действительно шикарный — я лежала перед ним совершенно голая, подтянув к груди разведённые колени и открывая прекрасный обзор всего цветущего распущенного женского хозяйства между ног во всех деталях. Он не приминул воспользоваться, и опять нырнул вниз, впиваясь ртом в мои половые губы. - Уйди, отстань! — Отталкивала я его, выворачиваясь. - Аня, Анечка, ну, дай я тебя поласкаю! Ты же хочешь. Я нежно. - Отстань, себя ласкай. Это ты вон как хочешь, что даже слов не понимаешь. - Ну, Ань!.. Ну, хочу! Ну, давай кончим! Так же невозможно!.. - Иди, иди, кончай себе! Сам. — Я залезла под одеяло и свернулась калачиком. Торчали только нос и глаза. — Всё, Сергей, уходи! Хватит! - Ну, а ты? — Он поднялся на ноги. Теперь, правда, уже абсолютно не стесняясь и не прикрывая своё вздыбившееся хозяйство. — Я... я пойду... кончать. Я свет включу. Будешь смотреть? — Метнул он взгляд в сторону занавешенной щели. Меня почему-то всё это чуть не рассмешило, доходя до сознания своей абсурдностью. Я успокоилась, вытянулась под одеялом и высунулась по пояс, подбивая подушки, чтобы сесть поудобнее. - Зачем же через щель? Давай здесь! — Махнула я рукой. — Так удобнее. - Можно, да? — Сделал он шаг обратно. - Только меня не трогать! — Выставила я ладони протестующе. - Хорошо, хорошо, — он остановился перед кроватью. — Мне тут стоять, или прилечь можно? - Как хочешь — можешь стоять, можешь присесть, только вот ложиться со мной я тебе не дам. - Тебе, правда, приятно было? — Спросил он, садясь на кровать и заглядывая мне в глаза. - Ты мне сделал больно! - Да, да, прости! Нечаянно. А до этого? - До чего до этого? - Ну, до того, как больно, тебе же приятно было? - Да, приятно, — созналась я. — Даже очень. Но я теперь боюсь. - Давай, я буду только языком. Честно! - А с тобой что делать? Ну, доведёшь ты меня до оргазма, — недалеко осталось, — я улечу, а ты опять полезешь вставлять свои палки куда попало. - Со мной? А я сейчас себе надрочу, кончу, и всё — у мужчин потом не скоро можно начинать вставлять. Ты знаешь? - Что? - Ну, что парни... это... после оргазма не могут. Им надо отдыхать, восстанавливаться. Долго. А я уже два раза кончил. Сейчас ещё раз, и точно —

спать, до утра. - Так, а смысл? Ну, кончай и иди спать. Я-то, получается, не при чём. - Ну, .. я хочу, чтобы ты тоже кончила. Тебе же приятно! Давай, вместе кончим?! - Нет, нет, не трогай меня! Я буду бояться. - Хорошо, не буду. Мы будем сами по себе, но кончим вместе. — Он стал потихоньку водить кулаком по изрядно приспущеному члену. — Ты тоже — поласкай себя, покажи мне. Помнишь, как это действует? - Помню... — Отозвалась я, пытаясь оценить, выдержу ли на сей раз, не отдамся ли. - Ну, вылезай из-под одеяла! — Нетерпеливо поторопил он, не отрывая сального взгляда от моих голых грудок. - Ничего, а ты так воображай! — Поддразнила его я, сжимая одной рукой свой сосок, а вторую протягивая под одеялом между ног к влажной киске. Он полулежал на боку, облокотившись на локоть, одна нога вытянута, другая выставлена согнутым коленом вверх, рука мерно движется по вновь напрягшемуся стволу по всей длине от основания до кончика головки. Я наблюдала за ним, теребила жадную пуговку под одеялом и иногда прикрывала глаза, вспоминая его ласковый язычок там. - А давай, — вдруг услышала я, — давай не так. Ты всё равно не смотришь. Давай я тебя поласкаю, а ты меня! — Он просяще заглядывал мне в глаза влажным взглядом. — Не бойся! Мы не так. Мы ляжем так, чтобы я тебя ласкал — губами, ртом, языком, — а... это, — он показал вниз на рвущийся орган, — это будет у тебя, его ты будешь ласкать. — Он лёг на спину, вытянул ноги, зажал в ладони яички и основание ствола, удерживая пылающий факел торчащим вертикально вверх. — На, поласкай, пососи! Тебе же понравилось. Я смотрела на всё это со всей возрастающей уверенностью, что я совершенная дура, если отказываю себе в таком удовольствии. Я провела рукой по поросшей негустой шерстью ноге, на внутренней поверхности кожа у него была гладкая и нежная. Я дотянулась до вожделенного факела и зажала его в кулаке. Потом сползла вниз и поцеловала головку. Я нежно целовала кончик, крепко сжимая ствол рукой. Потом стала облизывать сливку, щекотать её языком, как он мне тогда щекотал там. Потом взяла в рот и стала сосать её, как леденец, ворочая на языке и причмокивая. Он положил свою руку поверх моей и показал, чтобы я водила ей по стволу. Я чуть ослабила хватку и стала водить рукой, не выпуская трепещущей головки изо рта. Он поёрзгал там внизу, сбросил с меня одеяло, погладил по ляжкам, по попке, подтянул меня на себя и подлез под мой таз, заставив раскорячиться над ним по-лягушачьи. Я поняла, что сижу своей киской прямо на его лице, когда ощутила ею его горячее дыхание и почувствовала, как упругий язык раздвигает половые губки и погружается в щёлку, а нос трётся вверху о спрятанный клитор. Он как-то так стал подбрасывать свой таз навстречу моим движениям, что мне захотелось не просто держать головку во рту, а насаживаться на неё, как должно быть насаживается киска, когда люди трахаются. Я сжала его орудие у корня, заграбастав яички и даже дотягиваюсь пальцем туда, где он там у себя чесал. И стала дёргать вверх-вниз головой, ублажая трепещущую мужскую плоть. Серёжа внизу вытворял чудеса, я всё больше и больше теряла контроль. И тут меня заколотило так, я вжалась киской в его лицо, он бешено тёрся там языком, член его неожиданно стал извергать в меня липкие струи, я закашлялась, задёргала этот член рукой, забилась в конвульсиях и, наконец, обессиленный медленно сползла с парня и откинулась навзничь. Он лежал рядом, тяжело дыша, и тихонько поглаживал рукой мою грудку. Проснулась я с рассветом, обнаружив перед глазами мокрый мужской половой член со свесившимися на бок яйцами. Натянув на себя одеяло, я попыталась оттолкнуть тело в сторону. Серёжа проснулся, погладил мою ногу, провёл ладонью по половой щели, приподнялся и чмокнул её. - Не надо, Серёжа! Спасибо! — Я погладила его по голове, запуская пальцы в густую шевелюру. — Ты хороший. Уходи! Утро уже. Он встал, пощупал своё

хозяйство, озираясь по сторонам, бут-то ища что-то. Потом, наверное, вспомнил, что у него с собой ничего не было, оглянулся ещё раз на меня и вышел. Я вздохнула, зажмурилась, потянулась, провела руками по телу, сжала грудки, провела по животу, погладила бёдра, положила ладошку на киску, пожала свои половые губки, раздвинула их, погрузила палец в щёлку — там до сих пор оставалось влажно. Я пошевелила им там и... так и уснула.